

Степан уже не помнил, была это весна или осень, или, может, прохладный, ветреный летний день. Скорее всего, приближалась осень, и накануне ему приснился сон. ...Прохладным ветренным днем они идут с женой в больницу к четырехлетнему мальчику по имени Руслан, который остался без родителей и который ждет их с детским нетерпением, надевая медоестром вопросами, когда они придут и что принесут ему. Своих детей у супругов не было, и они решили усыновить Руслана. Не по годам смелый, обиженный несчастливством, обделенный материнской лаской, он нравился им, они привязались к нему, отдавая малышу тепло своих сердец. Руслан отвечал своей детской искренней взаимностью. Вот они входят в приемную детского отделения и счастливый мальчик с радостной улыбкой бросается к Степану: «Папа!». Он подхватывает его, и мальчик крепко-крепко прижимается к нему, обхватывает Степана своими ручонками. Степан слышит, как от радости часто-часто стучит сердце мальчика. У медсестры, которая привела Руслана, от удивления и жалости навернулись слезы, и она отворачивается, незаметно для окружающих вытирая слезы кушачком бинта... Вдур в еще не проснувшись сознанию Степана, словно кадры документального кино, возникает яркая вспышка воспоминаний. Ночь, идет дождь. Под навесом освещенного подъезда плачет мальчик... Квартира... Окровавленное тепло женщины...

Степан просыпается. Лоб его покрыт влажной испариной. Простыл? Температура? Да нет. Все нормально. Лоб холодный. Пульс ритмичный. И уже потом приходит осознание увиденного во сне. Он вспоминает этот сон. Но как давно это было. И надо же, через столько лет приснилось, будто было вчера.

В это утро участковый лейтенант милиции Степан Кудряшов заступил дежурным по отделу. И закурила карусель, завертела. Кража одна, вторая, семейные скандалы, хулиганство... И везде надо собрать и отправить оперативно-следственную группу, или участкового, или самому выехать на место происшествия. В общем, признаваясь самому себе, Степан был не в восторге от дежурств. Но служба ее служба. Материалов в производстве у участкового инспектора «вагон» и маленькая «тележка». И везде - сроки их рассмотрения, за нарушения которых спрашивали строго. И никому нет дела до того, что в сутках в месяц уходит у тебя на дежурство и отдых после него. Выкручивайся, как хочешь, но материалы исполнять в срок. А тут еще дежурство на опорном пункте прапорщика совместно с дружинниками. И нет у тебя ни свободного времени, ни личной жизни. Так, от случая к случаю...

К 2-м часам ночи, казалось бы, все успокоилось: нет телефонных звонков на «02», уснули пьяные и задержанные, доставленные в РОВД. Прилегли отдохнуть помощник дежурного и дежурный водитель. А Степан, заняв свое рабочее место за пультом, стал готовить дежурную сводку о зарегистрированных преступлениях.

Тишина... Казалось, жизнь замерла, и только жужжание мух, слетевшихся на тепло, да моросящий за окном дождь нарушают

эту тишину. Степану подумалось, что уже до утра ничто не нарушит это спокойствие. Но как порой обманчива эта тишина! Звонк на «02». Женский голос в телефоне: «Я возвращалась с работы после 2-ой смены и возле подъезда дома, в котором я живу, увидела мальчика со второго этажа. Он плачет, говорит, что ждет папу, а мама закрылась дома, и он не может туда попасть. Я предложила ему пойти ко мне переночевать, так как знаю, что в этой квартире бывают скандалы, а я живу одна. Но он отказался, сказав, что будет ждать папу. Вы, пожалуйста, разберитесь. Жалко мальчика». Степан записал фамилию звонившей, её адрес. Пришлось будить помощника и водителя. «Алексей», - сказал он помощнику, - ты сидишь за пультом, а мы с Сергеем проедем по адресу, там пацан домой попасть не может, надо разобраться. Будь на рациях». Тот согласно кивнул головой, долго зевая, постепенно приходя в себя после короткого сна. Водитель и Степан вышли во двор. Дождь лил, как из ведра. Изредка раздавались раскаты грома зюма. «Страшно, наверное, там пацану. Взрослому-то не по себе», - подумал Степан. И вот они у подъ-

езда дома. Действительно под козырьком освещенного подъезда стоит мальчик 3-4 лет от силы. В летней рубашке-безрукавке, трико и сандалях на босу ногу. Посадили в машину.

- Как зовут-то тебя? - спросил Степан
- Руслан, - ответил он.
- Ну, давай, Руслан, рассказывай, что случилось. Почему на улице оказался?
- Я встал пописать, дома темно, - стал объяснять мальчик. - Пошел в маме в ком-

нату, оперативно-следственную группу. В квартире труп матери Руслана.

- Точно? - переспросил Сергей. - Этого еще нам не хватало. Теперь определено из-за баранки до утра не вылезу. Вот беда-то. А с пацаном что делать будем, куда его?

- Пока в отдел к себе отвези. Скажем помощнику, пусть чаем напоит и на топчан положит спать. А утром решим, что делать. Давай, собирай опергруппу, а я до приезда

ОСЕННИЙ СОН

Рассказ

Е. АНТОНОВ

будут охранять место происшествия. Машина ушла. Дождь все продолжал лить, зарядил, наверное, надолго. Степану казалось, что он долго стоит под навесом, а оперативной группы всё нет и нет. Взглянул на часы. Время 2 часа 45 минут. Всего полчаса минут через 30. Пожалею о том, что не взял переносную рацию, а так бы был в курсе всего. А если тот, кто убил, вернется на место убийства?! Так ведь бывает. Ладно, что листопел взял с собой.

Он вышел из подъезда и посмотрел вверх. Свет горел в окнах той квартиры, где проживала убитая. Продолжал гореть свет и в квартире позвонившей женщины. Степан увидел, как на кухне отодвинулась занавеска и показался знакомый силуэт женщины, выглядывающей в темноту ночи. Не спит, скорее всего, слышит, что возле подъезда кто-то находится. Надо бы узнать, кто мук у убитой, где работает, как характеризуется. Так его учили в школе подготовки участковых инспекторов. Приедет прокурор, а ему и сказать нечего. Он снова поднялся на пятый этаж, позвонил, прислушался. Откроем - не откроет?! Уже слишком поздно. Послышались шарканье ног в тапочках.

- Милиция! Откройте, если можно!

Знакомый щелчок. Дверь открывается. Женщина смотрит на Степана.

- Что-то случилось? - спрашивает она.
- Да, в квартире труп женщины. Похоже, хозика.

- Ее убили?
- Да.
- А кто?
- Вот мы и будем разбираться.
- Скажите, кто у нее муж, где он работает и где он сейчас может находиться? Если, конечно, что-то знаете.

Она помолчала немного и начала говорить.
- Я знала, что добром у них все не закончится. У нее муж очень ревнивый. Она русская, а он татарин. Ревновал ее ко всем мужчинам - видная, веселая. Скандалы в семье. Потом она выживать стала, а он покалечивать ее. Видела ее раза два с синяками. Но в милицию, насколько мне известно, она не обращалась. Все в себе держала... Вот беда, как же теперь мальчик будет? Родных у них здесь нет. Даже не знаю, есть ли они вообще. Работает он в профтехучилище мастером производственного обучения, а где он сейчас может находиться, даже не скажу вам. Может, в училище, в мастерской?! Как-то Валуша. Царство ей небесное, жаловалась мне, что он напивается и спит у себя в мастерской на кровати. А так, не знаю, не скажу...

Степан прислушался. Где-то в ночной тишине послышался отдаленный шум работающего двигателя. Этот рокот ГАЗ-09 он не мог перепутать ни с каким другим. «Козлик» был старым, но все еще продолжал служить родной милиции, объезжая, прохаживая мыслимые и немыслимые сроки эксплуатации. Шум от двигателя приближался. Степан заторопился и, попрощавшись, вышел из квартиры, спустился вниз. Вот и свет от фар, прорезавших темноту, скрип тормозов. Они вошли в подъезд, где Степан дожидался прокурора, что он обнаружит при вскрытии квартиры и что ему стало известно в процессе беседы с женщиной. Прокурор внимательно выслушал и, когда он закончил, сделал паузу, о чем-то размышляя. Ясно. Ясно и то, что осмотр места происшествия производить нецелесообразно. К такому выводу пришел прокурор. - Надо понатяж. Людей разбудим, нададем шуму. Да и освещение оставляем желать

лучшего. Оставим все это до утра. А сейчас выставите охрану и принимайте меры к розыску мужа потерпевшей, - обратился он к начальнику уголовного розыска Николаю Сидельникову.

Тот согласно кивнул головой.
- А меня сейчас отвезите домой. В 9.00 часов заедете за мной в прокуратуру.

- Мне тоже надо в отдел, - обратился Степан к Николаю.

- Ладно езжай... Двух человек отправь сюда с охранно-конвойной службы. А мы пока здесь будем. Только быстро машину не задерживай...

На том и порешили.
Руслан, положив под щеку ручки, спокойно поспавал на топчане, заблотившись укрытый сверху милицейским кютелом. Замерз он.

- Я напоил его чаем с печеньем и он тут же уснул, - сказал помощник.

- Ладно, пусть спит, а утром отвезем его в больницу в детское отделение, - ответил Степан.

Не прошло и часа, как опера доставили в отдел отца ребенка в сильной степени опьянения. Речь его была заторможенной и бессвязной, на заданные вопросы он практически не реагировал. Вместе со сторожем училища сотрудники милиции прошли в мастерскую, где он спал. Рядом валялся топор и вылитая бутылка водки. Разбудить его не могли. Пришлось волоком тащить в машину.

- В камеру отдельно его поместите, пусть проспится. А утром разговаривать будем. Если окажется в крови, а топор намисто вытер. Сука. Даже пацана не пожалел, - глядя на слезящего Руслана, заметил начальник уголовного розыска, - оставил без матери.

- Носит же земля таких, - выразился нецензурно Степан.

Степан симпатизировал майору милиции Сидельникову. Среднего роста, коренастый с простым добродушным лицом, темноголовый, он вызывал у него уважение. Чувствовалось в нем и мужской характер, и мужская сила. Когда у него бывали неприятности на службе, он брал из угла своего кабинета двухлитровую гирю и жуп ея. Жал до тех пор, пока на лице не появлялись капли пота. Так он выходил из стрессового состояния. Срочную службу он отслужил на Тихом океане на боевом корабле. За 4 года дослужился до главного старшины и очень этим гордился. С тельняшкой не расставался ни летом, ни зимой, носил ее на теле под любой одеждой. Никогда Степан не слышал от него нецензурных выражений. «А тут, наверное, не сдержался, - подумал он. - Спать в кабинетах будем. Идти домой уже нет смысла.

- Разбудите нас утром перед планеркой, - предупредил он.

Степана это не удивило. Он знал, что в каждом кабинете у оперов есть матрац и подушка. Согласно кивнул головой и пошел спать на спокойной ноге. «Какая ночь! - ухмыльнулся Сидельников. - Утро уже на дворе, так, покемарим часа два».

Утром мальчика отравили в больницу и, сдав дежурство, Степан ушел домой. Вечером выслушавший и отдохнувший он рассказал о случившемся жене. Выслушав ее, она предложила сходить к мальчику в больницу: «Жалко мне его. Каково без родителей! Он-то в чем виноват?!».

Они сходили в магазин, купили Руслану сладостей и заводную машинку. Руслан встретил их не по-детски серьезно:

- А я знаю, что у меня мамы больше нет, ее убили, а папку посадили, - и заплакал навзрыд. - Я к маме хочу домой. Я не хочу здесь. Возьмите меня с собой! Степан, посадив мальчика на колени, успокаивал его, как мог.

- Будет Руслан у тебя и папа и мама. Ты пока полежи в больнице, полежишься, а потом мы тебя заберем.

- Правда? - переспросил Руслан.

- Конечно, правда.

- А завтра придете ко мне?

- Придем.

- Я буду ждать...

Они ходили к нему каждый день, как только появлялась такая возможность, решая в то же время вопрос усыновления ребенка. Однако отец мальчика был категорически против. Вскоре приехала бабушка Руслана и он уехал в далекую Казань.
«Где он сейчас? Стал ли он настоящим человеком и как сложилась его судьба? Знать бы!» - размышлял Степан, лежа в постели и глядя в окно, где уже забрезжил рассвет...